

другие были всегда органически присущи марксистскому способу анализа научного знания и ныне получили дальнейшее развитие»⁸. Поэтому «глубоко заблуждался бы тот, кто бы надеялся заимствовать нечто для себя полезное из буржуазной идеологии»⁹.

Характерно, что многие советские авторы, анализирующие работы Куна, Фейерабенда и других постпозитивистов, касающихся идеалов, норм и оснований науки, свои доказательства строят без ссылок на теорию отражения диалектического материализма, не учитывают критику В. И. Ленинным релятивизма и субъективизма, игнорируют принципы воинствующего материализма, опираясь лишь на формально-логические рассуждения.

В условиях современного обострения идеологической борьбы на международной арене особенно актуально и веско звучат ленинские слова о необходимости открытой, последовательной, бескомпромиссной борьбы против любых форм буржуазного мирозерцания, против любых уступок ему. Геннальные идеи В. И. Ленина о сущности релятивизма, агностицизма и субъективизма Маха, Авенариуса, Дюгема, Богданова и других идеалистов, его критика этих течений являются образцом партийности, имеют непреходящее значение. Только они являются единственно верной мирозерцательной и методологической основой для понимания сущности современной буржуазной философии и ее разновидности — релятивизма.

¹ Материалы июньского (1983) Пленума ЦК КПСС.— М., 1983, с. 71, 29.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 329. Другие цитаты из Полн. собр. соч. и ссылки на него даются в тексте статьи с указанием в скобках тома и страницы.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 92.

⁴ См.: Чудинов Э. Природа научной истины.— М., 1977, с. 276.

⁵ См.: Философские науки, 1978, № 5, с. 37.

⁶ См.: Чудинов Э. Указ. работа, с. 276.

⁷ Идеалы и нормы научного исследования.— Минск, 1982, с. 73.

⁸ Федосеев П. М. Философия и научное познание.— М., 1983, с. 52.

⁹ Косолапов Р. И. Силой разума и чувства.— ЛГ, 1984, № 5, 10 февраля, с. 2.

А. С. КЛЕВЧЕНЯ

У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

(Кирилл Туровский)

Исследование культуры прошлого имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно способствует более глубокому осмыслению закономерностей и определению перспектив развития культуры настоящего и будущего. Особенно это важно для мыслителей переломных эпох, стоящих у истоков развития культур близких и родственных народов: русского, украинского и белорусского. К таким представителям культур прошлого и принадлежит Кирилл Туровский (1130—1182). Он родился в Турове, центре княжества, в семье состоятельных горожан. Сведений о жизни и деятельности мыслителя сохранилось немного. Однако известно, что учился он в Турове и, возможно, в Киеве. Полагают, что в Турове его учителем был образованный грек. Это предположение вполне вероятно, так как женой туровского князя Святополка Изяславовича (1087—1113) была гречанка Варвара, которая и приглашала образованных соотечественников для работы в княжестве. Впоследствии греки занимали епископские кафедры в Полоцке, Смоленске и других городах.

Кирилл Туровский обнаружил незаурядные способности к образованию и вскоре стал известным не только в городе, но и во всем княжестве. По настоянию туровского князя он становится епископом, поступает в монастырь, но и там продолжает свое образование.

Исследователи отмечают всестороннюю образованность Кирилла Туровского, незаурядный ораторский талант, считают его выдающимся мастером «торжественного» красноречия, публицистом и даже поэтом. «Уже современники по достоинству оценили, — пишет И. П. Еремин, — высокое мастерство Кирилла Туровского. «Златоуст, паче всех воссиявший нам на Руси, — писал о нем древний биограф. Очень рано речи Кирилла Туровского были включены в состав «Златоуста» и «Торжественника» — сборников-антологий и переписывались наряду с речами знаменитейших, наиболее ценных в старину греческих мастеров ораторского слова»¹.

Идейное наследие и деятельность Кирилла Туровского до сих пор не получили всесторонней научной оценки. В дореволюционных работах он изображался главным образом как церковный деятель, а его идейное наследие рассматривалось и истолковывалось только с точки зрения религиозного содержания. Вместе с тем некоторые авторы вынуждены были признать самобытность, «собственную физиогномию» (проф. С. Шевырев), творческую самостоятельность Кирилла Туровского (епископ Евгений). Проф. А. И. Пономарев справедливо подчеркивал, что Кирилл Туровский участвовал в важнейших церковных и церковно-политических событиях своего времени².

Советские исследователи отмечают большие литературные достоинства его произведений, наличие в них сведений и фактов, взятых из реальной жизни. Так, И. П. Еремин и И. У. Будовиц обнаруживают в произведениях Кирилла Туровского философскую и общественную мысль, выражающую социальное неравенство и нравственные отношения, социологические идеи о том, как наилучшим образом устроить общество³.

Философским аспектам мировоззрения Кирилла Туровского много внимания уделяют современные ученые. Авторы этих исследований уже прямо пишут, что Кирилл Туровский был не только проповедником, но и философом, произведения которого пользовались огромным почетом в Древней Руси. В отличие от литераторов и историков философы подчеркивают жизнерадостность произведений Кирилла Туровского. «Произведения Никифора, Илариона и Кирилла Туровского отличаются жизнерадостностью. Они отражают особую струю древнегреческого христианского мирозерцания, непосредственно связанного с действительной жизнью»⁴.

Точное число произведений Кирилла Туровского до сих пор не установлено, продолжают дискуссии о принадлежности мыслителю некоторых из них. «Несомненно подлинными произведениями Кирилла Туровского, — заключает И. П. Еремин, — на данном этапе нашей науки могут быть признаны следующие: притча о душе и теле (слепце и хромце), повесть о беспечном царе и его мудром советнике, «сказание о черноризчестемь чину», речи или слова (пока только восемь можно признать бесспорно подлинными)»⁵.

Кроме того, в литературное наследие Кирилла Туровского входят гимнографические произведения. Они распадаются на две группы: одну составляют молитвы, другую — «канон молебен». Эта часть наследия мыслителя меньше всего исследована. «Кирилл Туровский как гимнограф, — пишет И. П. Еремин, — еще ждет своего исследователя-специалиста»⁶.

В XII веке в Киевской Руси уже явно обнаруживается стремление церкви занять решающие позиции во всей духовной жизни. Но устранить корни народной культуры, тысячелетние традиции было невозможно. Их необходимо было сначала нейтрализовать, а затем и приспособить к официальной религии. Кирилл Туровский последовательно боролся за укрепление авторитета церкви, победу христианской идеологии. Все, что не вменялось в рамки официальной церковности, рассматривалось как ересь. Но дихотомия православной ортодоксии и ереси не была столь жесткой. Кирилл Туровский это понимал. С одной стороны, он обличал еретиков, с другой — учитывал сильную языческую религиозность народа, приспособлял христианскую религию к потребностям масс, но под контролем церкви. В его молитвах и поучениях всемогущий бог выступал защитником слабых и обездоленных. Это, несомненно, импонировало простому люду. Одновременно Кирилл Туровский выражал свое недовольство и деятельностью отдельных служителей церкви. В притче о слепце и хромце — замечательном обличительном памфлете, произведении резко тенденциозном, он обличал тех представителей духовенства, которые, забыв о своем высоком предназначении, полюбили больше телесные почести и славу мирскую, нежели царствие божие.

Общественно-политические воззрения Кирилла Туровского были прогрессивными. Как идеолог господствующего класса он последовательно защищал феодальный строй, боролся за его укрепление. В то же время он понимал, что феодальные общественные отношения содержат немало пороков. Мыслитель последовательно выступал против феодальной раздробленности, междоусобных войн. Он призывал русских князей к сохранению былого могущества и единства Киевской Руси. В этом ярко проявились его патриотические чувства.

Кирилл Туровский молился за здравие и благополучие князя, прося одновременно бога оградить миром его державу, наполнить обилием зем-

лю, избавить ее от междоусобной войны и гнусных дел «нынешнего века»⁷. В притче о слепце и хромце Кирилл Туровский решительно осудил князя Андрея Боголюбского и епископа Феодора Ростовского, которые добивались независимости от киевского митрополита. Он отстаивал самостоятельность русской православной церкви, выступал за единство церковной и светской власти, тесную их связь с народом. Князя и его власть он сравнивал с могучим дубом, сила и долговечность которого заключаются в глубине и широте разросшихся корней. Князь и его власть не должны отгораживаться от народа, а, напротив, служить ему.

Значительный интерес представляют философские воззрения Кирилла Туровского. И здесь он выступает мыслителем глубоким и оригинальным, творческим и самобытным, сочетающим достижения мировой философской мысли с своеобразием и специфическими особенностями тысячелетней древнерусской народной культуры и философской мысли. При анализе его воззрений необходимо иметь в виду, что он выступает одновременно философом, художником и богословом. И все же, как справедливо указывает К. В. Шохин, «...в его произведениях художник и философ часто берут верх над богословом»⁸.

Как и многих виднейших представителей мировой философской мысли того времени, его внимание привлекали проблемы взаимоотношения бога и мира, бога и человека, веры и знания, души и тела и др. Он, разумеется, не выходит за пределы теоцентрической картины мира, господствовавшей в средние века, но по сравнению с крупнейшими мыслителями Западной Европы выдвигает ряд оригинальных и своеобразных идей. Кирилл Туровский рассуждает о величии неба и земли, о том, что красота мира заключается в его бескрайней шире и многообразии. Природе тоже присущи бесконечные оттенки красоты, которые и порождают в человеке особую радость. Красота в природе рассматривается им как жизнеутверждающая сила, как свойство всей природы. В своих произведениях мыслитель-художник рисует удивительно причудливые картины природы, сопоставляет времена года.

Он развивает натурфилософское понимание красоты, соответствующее древним народным воззрениям на природу, жизнь и красоту. Природа существует для человека. В самом человеке два начала: душа и тело. Ни душа, ни тело не могут существовать друг без друга. Не только тело зависит от души, но и душа от тела. Это и есть обоснование дуалистической природы человека.

В аналогичном плане решается им вопрос о соотношении разума и веры. Ни разум, ни веры самих по себе недостаточно для познания бога. Нужны и то, и другое, но все-таки вере в этом процессе отводится главная роль. В то же время Кирилл Туровский не углубляется в характеристику веры. Его больше всего интересует «технология» функционирования разума. Для ее раскрытия он вводит целый ряд дополнительных понятий: ум, мысленное, чувственное, внешнее, внутреннее, разумное и т. д. Прежде всего он констатирует стремление человеческого ума к знанию. Нет ничего прекраснее знания. Человек должен заботиться о постоянном развитии разума, добывании знания. Отсутствие знаний, пренебрежение к развитию разума являются препятствием для раскрытия подлинной глубины и сущности мира. Только крылья разума спасают человека от незнания, от греха. «Мысленное» у Кирилла Туровского аналогично нашему идеальному. Оно беспредельно, вечно и «конца не имуща». Разумное превосходит чувственное, внутреннее—внешнее. Стремление разума в бесконечность делает нашу мысль ясной и совершенной. Если у человека смятение чувств берет верх, то он лишается радости, надежды и смысла жизни. Потеря душевной ясности приводит человека к моральному уродству. Неразумность неизбежно ведет в «мысленные волны, в моря любостыжательства, туда, где «торжествуют гнусные дела»⁹. Стремление мысли к ясности и совершенству открывает дорогу в «мысленный рай», «разумный рай», т. е. в царство подлинно совершенного и прекрасного разума. Но такая мысль разрывала религиозные оковы.

Из философских воззрений логически вытекают эстетические взгляды мыслителя. Для него прекрасное—это Родина, единое русское государство, бесконечно развивающийся разум. Прекрасна также и природа, познание. «Идея о красоте познания,—пишет К. В. Шохин,—об эстетической оценке того, что свойственно разуму, мысленному, относится к одной из самых интересных черт древнерусской эстетики»¹⁰. Отношение бога и мира, земного и небесного и в эстетике глубоко и оригинально. Мыслитель-

художник далек от схематической прямолинейности. «Мысленное» у него прекрасно. Но, кроме того, в особое понятие выделяется духовная красота. Она включает в себя и божественную красоту, которая не имеет меры качества. Но в духовную красоту включается и мысленная красота, которая вполне реальна, доступна разуму и имеет «меру качества». Таким образом, здесь небесное и земное не только соприкасаются, но, видимо, сливаются.

Более того, Кирилл Туровский разъяснял архимандриту печерскому Василию, что красота возводимого здания зависит от практического мастерства. Чтобы воздвигнуть красивое здание, зодчие должны научиться в совершенстве владеть глиной, известью. Без такого труда, как и без духовной красоты художника, не осуществится его замысел. У Кирилла Туровского и молитвы, и поучения, и послания, и слова всегда преследовали конкретные земные цели. Мыслитель-художник не ограничивался схоластическими абстрактными рассуждениями. Признавая величие и красоту разума, он делал из этого практические выводы, призывал к постижению «книжного разума». Но для этого необходимо систематически читать, воспитывать у себя вкус к чтению, усердно читать, читать с разумом, вникать в содержание читаемого, не оставлять ничего непонятного. «Разумеется, — справедливо заключает М. В. Соколов, — все эти рекомендации родились из собственной практики Кирилла Туровского как опытного и наблюдательного читателя, в полной мере владеющего культурой чтения»¹¹.

Таким образом, в идейном наследии Кирилла Туровского нашли отражение не только важнейшие события времени, но и выражены запросы прогрессивного общественного развития. Он внес существенный вклад в отечественную философскую и общественную мысль XII века, которая в последующем оказалась прочным фундаментом для развития культуры русского, украинского и белорусского народов.

¹ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского: Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). — М.-Л., 1955, т. XI, с. 342.

² Памятники древнерусской церковно-учительской литературы. — СПб., 1894, вып. I, с. 105.

³ См.: Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского; его же. Ораторское искусство Кирилла Туровского: ТОДРЛ. — М.-Л., 1962, т. XVIII; Будовниц Н. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI—XIII вв. — М., 1966.

⁴ История философии в СССР. — М., 1968, т. I, с. 95.

⁵ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского, с. 342.

⁶ Там же, с. 364.

⁷ См.: Епископ Евгений. Творения святого отца нашего Кирилла Туровского. — Киев, 1880, с. 222.

⁸ Шохин К. В. Очерк истории развития эстетической мысли в России (Древнерусская эстетика XI—XVII веков). — М., 1963, с. 44.

⁹ Епископ Евгений. Указ. работа, с. 260.

¹⁰ Шохин К. В. Указ. работа, с. 41.

¹¹ Соколов М. В. Психологические воззрения в Древней Руси. — В кн.: Очерки по истории русской психологии. МГУ, 1957, с. 75.

Н. В. РОЖИН

КУМУЛЯТИВИСТСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Одной из наиболее характерных особенностей последних двух десятилетий в развитии исследований по методологии и философии науки в странах Запада является решительный поворот от анализа структуры готового, завершеного знания к проблемам, связанным с его ростом и развитием. Этот поворот свидетельствует как об отказе от наивно-кумулятивистской схемы роста знания, так и о кризисе классической эпистемологии Нового времени, специфическим выражением которой был логический позитивизм.

Начиная примерно с 20-х и до начала 60-х годов текущего столетия для западных философов науки было своего рода общим местом трактовать научные теории как аксиоматическое исчисление, в котором теоретические термины и высказывания (Т) получают частичную интерпретацию посредством правил соответствия (С). Эта форма анализа, в рамках которой теория идентифицировалась с конъюнкцией ТС, получила название «стандартной концепции научных теорий».